

УДК 904

А.А. ХОХЛОВА
(khokhlova1706@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К ВОПРОСУ О САРАЙСКОЙ ЕПИСКОПИИ В УЛУСЕ ДЖУЧИ*

Представлены результаты анализа основных вопросов, связанных с учреждением Сарайской епископии, их отражение в историографии и основные заключения о том, какое влияние Сарайская епископия оказала на характер ордынской внешней политики в отношении Русской православной церкви. Проведён сравнительный анализ историографии, анализ древнерусских летописей.

Ключевые слова: Улус Джучи, Сарайская епископия, хан Берке, митрополит, князь.

Во второй половине XIII в. внешняя политика государства Золотая Орда была направлена на решение нескольких задач: установление дипломатических связей с мамлюкским Египтом, противостояние в Иране с войсками Хулагу, ставленником монгольского императора Менгу, а также предотвращение новых волн восстаний в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, для чего началось выстраивание дипломатических отношений с русскими князьями и православным духовенством. Историками не раз отмечалась политика религиозной терпимости монголов, основанная на законах Великой Ясы [1], одним из проявлений данной политики стало появление Сарайской епископии.

В настоящей работе предпринимается попытка анализа основных вопросов, связанных с учреждением Сарайской епископии, их отражение в историографии с целью установить, какое влияние Сарайская епископия оказала на характер ордынской политики в отношении Русской православной церкви.

Взаимоотношения Русской православной церкви с Улусом Джучи на первых порах сложно назвать «религиозно терпимыми»: в период похода в Восточную Европу 1235–1243 гг. [11] войсками тюрко-монголов было разорено более 14 городов, большие потери понесла и русская церковь: во время разорения Владимира в церкви святой Богородицы был сожжён епископ владимирский Митрофан, разграблены храмы и монастыри, откуда были вынесены предметы религиозной утвари [8], а зимой 1240 г. в Киеве были разорены Кафедральный Софийский собор и митрополичий дом [Там же]. В 1246 г. князь Даниил Галицкий отправил своего кандидата в митрополиты, западнорусского монаха по имени Кирилл, в Никею за одобрением патриарха. Нужен был митрополит для поддержки кандидатуры Даниила в переговорах с папой Римским, но Кирилл II не принял факта возможного перехода православной церкви под власть папства, поселился во Владимире и стал поддерживать князя Александра Ярославовича [1].

Произошли изменения и в Улусе Джучи: новый хан Берке продолжил противостояние с монгольским ставленником Хулагу на Кавказе (в 1258 г. войска Хулагу разгромили Арабский Халифат, казнили халифа и всех представителей мужского рода Абассидов, что было для Берке, как правоверного мусульманина, весьма значимым ударом, а в 1260 г. по распоряжению хана Берке царевичи из рода Джучидов, командовавшие служащими в армии Хулагу туменами, были казнены, а их войска распущены и брошены в кипчакские степи [11]). В это же время произошло неожиданное – на политическую арену вышла Византия, когда в 1261 г. Михаил Палеолог захватил Константинополь, сделав его снова центром православия. Под 1261 г. в летописях Лаврентьевского свода фиксируется запись: «Того же лета постави митрополит епископа Митрофана Сарая» – была образована Сарайская епископия [8].

Поднимается один из первых вопросов о создании епископии в Сарае – причина её возникновения. Некоторые авторы главной причиной выделяли политическую необходимость: М.Д. Приселков и В.Т. Пашуто видели в создании епископии стремление хана Золотой Орды через сарайского епископа контролировать связи Руси с Византией [2]. Б.Д. Греков, В.В. Мавродин, А.С. Хорошев и В.Л. Егоров считали, что епархия была учреждена для обслуживания живших в Улусе Джучи русских православ-

* Работа выполнена под руководством Лапшиной И.Ю., кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ных (мастеров и ремесленников, рабов и других православных лиц, прибывших в Орду) [2]. Исследователь Е.Е. Голубинский в начале XX в. отмечал, что в середине XIII в. в столице Монгольской империи при дворе кагана находились служители веры всех покорённых им народов, которые молились о благополучии ханов [4]. Епископия в Улуса Джучи могла возникнуть по аналогии с Монгольской империей, но в годы правления хана Берке, который не был «проимперским» правителем, это маловероятно [11]. Ещё к причинам возникновения Сарайской епархии можно добавить тот факт, что с 1251 г. для получения великокняжеского ярлыка русским князьям теперь следовало ехать в Сарай (в Орду), а не в Каракорум (столицу Монгольской империи) [1]. Сарай приобрёл статус того города, где пребывает русское население и (временно) правящая элита русских земель, что вполне соотносится с мнениями авторов о необходимости создания епископии для русского населения (как писал митрополит Макарий) [9].

Значительной причиной учреждения епископии долгое время в историографии считалось её политическое значение: хану Берке было необходимо в лице Византии обрести нового союзника, не противодействующего формируемому союзу Улуса Джучи и мамлюкского Египта. С 1262 г. между ханом Берке и египетским султаном начался непрерывный обмен посольствами и дипломатическая переписка Берке и Бейбарса [12]. А.Н. Насонов считал взятие Константинополя Михаилом Палеологом шагом к принятию решения о создании епископии, видел их взаимосвязанными процессами [11]. Также А.Н. Насонов подчёркивал активную деятельность римской католической церкви в том, чтобы укрепить зависимость Византии от Рима. Появилась возможность угрозы совместных походов византийского императора и иранских монголов против египетских мамлюков, с которыми стремился заключить союз Берке [12].

Помимо необходимости приобретения союзника в лице Византии важна и экономика: после завоевания Константинополя Михаил даровал экономические привилегии генуэзским купцам, что дало преимущества генуэзцам перед венецианцами и позволило уже с XIII в. начать обосновываться на Крымском полуострове (Генуэзская колония). Сам Михаил VIII в этом получал двойную выгоду: Никейская империя уже находилась в дружественных отношениях с монголами в Иране (Хулагу), а с перенесением греческой столицы обратно в Константинополь появилось выгодное положение и для торговли с Улусом Джучи [1], что проявлялось в торговле Каффы и Генуи с Азаком – важным золотоордынским экономическим центром. Открывался удобный морской путь между Улусом Джучи и Египтом через Византию, который мог быть использован и для обмена посольствами между Берке и мамлюкским султаном. Данная ситуация была выгодна обеим сторонам.

В современной историографии эти положения были частично пересмотрены. Цель обрести союзника в лице Византии для успешной кампании против Хулагу была достигнута не сразу: уже в 1263 г. Михаил VIII Палеолог задержал посольство египетского султана, направлявшееся к Берке, т. к. опасался начала военных действий со стороны хулагуидского Ирана, и до 1265 г. послы оставались в Византии. Только после похода хана Берке и разорения окрестностей Константинополя Михаил Палеолог отпустил египетское посольство в Золотую Орду, при этом послав и своего официального представителя с письмом к Берке [11]. В письме император Византии обратился к хану с предложением заключения союза и согласился на выплату дани, из чего следует, что Византия теперь стала придерживаться политики нейтралитета, не вступая в дипломатический блок на стороне Золотой Орды. Однако всё же, наличие Сарайской епископии могло позволить наладить дружественные отношения Орды и Византии, поскольку Берке действительно были нужны новые торговые пути, после начала боевых действий с Ираном в 1262 г. все важнейшие торговые пути были полностью перекрыты) [Там же]. Соответственно, точка зрения Г.В. Вернадского остаётся актуальной [1].

В противовес учёными была выдвинута ещё одна точка зрения, согласно которой именно Византия была заинтересована в создании епископии, для сбора сведений о намерениях Орды и для ограничения активности римской католической церкви в миссионерской деятельности [2]. Автор этих тезисов, историк Вольфрам фон Шелиха, привёл сведения из византийских источников о том, что летом-осенью 1261 г. прошли сложные переговоры между Византией, Улусом Джучи и мам-

люкским Египтом о примирении их интересов [2]. Однако этому противоречит информация о том, что ещё не был заключён союз Берке и Бейбарса, и что до 1265 г. Византия не предпринимала попыток прямых переговоров о союзе с Улусом Джучи, как о том писал Е.П. Мыськов.

Существует ещё одна позиция, согласно которой епископия появилась лишь для попечительства «тех несчастных, которые целыми тысячами отводимы были из России в Орду» [9]. Она была частично опровергнута Вольфрамом фон Шелихой [2]. Богослужбные функции епископии не подвергались сомнению [3], и вполне возможно, что Сарайская епископия была создана в значительной степени для решения вопросов православного населения Золотой Орды [11], но определенно при влиянии других причин, указанных выше.

По одной из версий, Сарайская епископия была образована от переноса центра южной (Переяславской) епархии. Такой точки зрения придерживался А.Н. Насонов, который в издании «Памятники древнерусского канонического права» обнаружил «основание» этому – «ходящие» (кочевники) своей епископии («упокойна места») не имели [12]. Ранее в своём многотомном труде митрополит Макарий также упоминал, что при образовании епископии в Сарае Митрофану подчинилась и «древняя епархия переяславская» [9]. Соглашаясь с этим положением, В.И. Мухин в своей работе приводил строки из Симеоновской летописи, где говорилось, что после принятия схизмы первым сарайским епископом Митрофаном русский митрополит поставил епископа Феогноста «Русскому Переяславлю и Сараю» [10].

Следующим дискуссионным вопросом является установление того факта, кто именно стал инициатором создания Сарайской епископии. Церковные историки (Макарий (Булгаков), Е.Е. Голубинский) отмечали, что учредителем епископии в Сарае мог быть только митрополит Кирилл. А.Н. Насонов поддерживал эту точку зрения, говоря, что для успешного разрешения вопросов русского духовенства и внешней политики хану Улуса Джучи нужны были непосредственные сношения с митрополитом, через епископию [12]. Однако тюрколог А.П. Григорьев считал, что без соглашения хана Берке, исповедующего ислам, такая инициатива митрополита была бы невозможна [5].

В противовес предположению об инициативе со стороны митрополита А.П. Григорьев писал, что в этом вопросе очевидны интересы хана. Историки А.И. Плигузов и А.Л. Хорошкевич считали, что сарайские епископы и русские митрополиты были орудием в руках Джучидов, т. е. после получения привилегий от хана (ярлык и освобождение от финансовых повинностей) представляли интересы уже не своей страны, и не русской православной церкви [2], а Л.Н. Гумилёв и С. Закиров придерживались позиции, что инициатива исходила от хана Берке, который искал в этом политические интересы. Однако историк Е.П. Мыськов в своей работе «Политическая история Золотой Орды 1236–1313 гг.» приводил примеры, что между ханом Берке и правителями (как в случае с византийским императором) существовали традиционные дипломатические каналы связи, при этом было не обязательно вмешательство епископа. Опираясь на исследования А.В. Карташова [6], автор «Политической истории Золотой Орды» согласился с тем, что сарайские епископы всегда назначались не по воле хана, а по распоряжению митрополита, и не могли быть подвластны хану [11].

Примером того, что без митрополита было невозможно выбрать епископа в рядовых случаях, служит описание избрания новгородского архиепископа в н. XIV в. В Софийской первой летописи читаем: «Приеха Максим митрополит в Новгород, а с ним приеха епискуп Ростовский Семеон, епискуп Тферський Андрей, и поставиша архиепискупа Великому Новугороду Феоктиста; знаменаша его в церкви святого Бориса и Глеба митрополит с епискупы и игумены, месяца июня в 29 на память святую апостолу Петра и Павла, поставиша его в святой Софии [и святую литургию свершиша «...»] [14]. Нужно учитывать тот факт, что летописи составлялись в церковных учреждениях, при великокняжеском и церковном окружении [2], поэтому роль митрополита в подобных мероприятиях будет отмечаться. Однако, как видим, вопрос с избранием епископа в Сарай без участия русского митрополита ставится под сомнение.

Также в историографии существует и третья точка зрения, согласно которой инициатором создания Сарайской епископии в рамках взаимоотношений Орды и Руси был великий владимирский

князь Александр Невский, который действовал в этой ситуации в рамках дипломатических шагов, на что «не были способны хан и митрополит» [2]. Г.В. Вернадский придерживался позиции, что хан Берке в вопросе учреждения Сарайской епископии одобрил инициативу Александра Невского и митрополита Кирилла в рамках «координации дел русской церкви с монгольской администрацией» [1], часть археологов тоже рассматривала вариант инициативы в этом вопросе великого князя [13]. Вполне возможно, что дипломатия здесь выражалась в условном «согласии» с тюрко-монголами о существовании вместо союза с Римской католической церковью (папа Римский Иннокентий IV обращался к брату Александра Невского, князю Андрею Суздальскому, с призывом повиноваться католической церкви, что было расценено в кругах русской церкви как враждебное проявление [10], и способствовало росту авторитета князя Александра Ярославича). Скорее всего, инициатива в этом вопросе исходила от русского духовенства, как того придерживается большая часть историков [11].

Что касается роли и задач Сарайской епископии, то и здесь историки выделили несколько направлений: 1 – представление политических интересов Византии при дворе хана, выполнение дипломатических функций [12]; 2 – покровительство и проповедование христианской религии для находящихся в Орде православных людей [9]; 3 – миссионерская деятельность и обращение «татар» в христианство.

О дипломатической миссии сарайского епископа высказывался А.Н. Насонов в своём труде «Монголы и Русь». Он видел епископа как человека близкого ко двору, как «доверенное лицо хана», который в период кочевья ханской ставки неизменно следовал за ней [12]. Опираясь на труды А.Н. Насонова, исследователь Н.А. Охотина полагала, что епископ Сарайский являлся неким дипломатическим посредником между великим князем и ханом, и между ханом Орды и Византией [2]. Помимо внешнеполитической дипломатии А.Н. Насонов приписывал сарайскому епископу и значительную роль во внутривосточной жизни северо-восточной Руси: сарайский епископ Измайло присутствовал на съезде русских князей в 1296 г и содействовал благополучному разрешению вопросов; до второй половины XIV в. включительно русские епископы передавали патриарху в Константинополь грамоты через сарайского епископа [12]. Однако выделять исключительную роль сарайского епископа в вопросе дипломатических связей Орды и Византии не совсем верно, поскольку между византийским императором и ханом Джучидов существовал свой прямой канал связи, и необходимость сарайского епископа только для дипломатических целей здесь маловероятна [11]. К тому же, эта задача, возложенная на епископию, была выполнена не сразу (события 1263–1265 г.). Более вероятно, что по большей части роль сарайского епископа заключалась как раз в обеспечении духовного общения (богослужений и др.) среди христианского населения Орды [10].

Что касается миссионерской деятельности (третьей задачи епископии), то о ней судить сложно, поскольку нет явных письменных или археологических подтверждений этому. Найденные на территориях золотоордынских городищ нательные кресты, кресты-мощевики (энколпионы или квадрифолии) или нательные иконки (как на Водянском, Царёвском, Увекском, Селитренном городищах, и в средневековом Азаке) не всегда могли говорить о ведении богослужений на территории этих городков. В 2010 г. были найдены фундаменты каменных православных храмов на территории Увекского городища [7] и даже факт того, что в этом городе в XIII–XIV вв. проживала русская община, не даёт прав с уверенностью говорить о миссионерской деятельности. Известно также и письмо латинского монаха Владислава второй половины XIII в., в котором он описал францисканскую церковь в золотоордынском городе Солхат (Крым) [3], что говорит о действовавшем в некоем масштабе в Орде проповедничества христианства.

Остаётся ещё один вопрос: было ли возможно в Улусе Джучи крещение тюрко-монголов без негативных санкций власти? В XIII в., пока в Улусе Джучи большинство правителей придерживалось язычества, власти разрешали епископам в какой-то мере обращать население Орды в христианство (если те изъявляли желание). Крещение могло происходить и после заключения брака представителей аристократии Орды (как брак Джиджек-хатун, дочери Менгу-Тимура, и православного князя Федора Смоленского, или брак князя Юрия Даниловича (Московского) с сестрой хана Узбека Кончакой). Сведения о крещении Джучидов имеются в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» В.В. Голуб-

цова [3], но ни один из этих примеров крещения ордынцев фактически не может рассматриваться как убедительный (при отсутствии доказательств). Многие эпизоды крещения представителей ордынской знати происходили за пределами Улуса Джучи, как крещение Кончаки (Агафьи, жены князя Юрия Даниловича), что не может быть рассмотрено как подтверждение миссионерской деятельности Сарайской епархии [Там же].

Дискуссионный вопрос о целях создания Сарайской епископии скорее всего разрешается в пользу необходимости обеспечения духовного общения русского населения Золотой Орды. Это не противоречило внешнеполитическим целям хана Берке в вопросе обеспечения союзнических отношений с Византией в условиях надвигавшейся войны с Хулагу. Инициатива создания епископии исходила, скорее всего, от русского митрополита, и вполне могла быть донесена до хана Берке при помощи Александра Невского, но сам хан, или один только владимирский князь, не могли выступить единоличными инициаторами. После создания епископии её представители обеспечивали, скорее всего, богослужения, консультации по вопросам церкви для общения с представителями Византии и русских княжеств, могли совершать молитвы о здоровье представителей Джучидов, но масштабная миссионерская деятельность епископии маловероятна.

Исходя из сравнения существующих описаний деятельности Сарайской епархии, нельзя говорить о том, что во второй половине XIII – первой половине XIV вв. сарайские епископы могли оказывать серьёзное влияние на внешнеполитические или внутривосточные процессы русской православной церкви. Упоминания об участии сарайского епископа в съезде русских князей и его помощи в передаче прошений константинопольскому патриарху показывают принадлежность Сарайской епископии к русской церкви, но опровергают точку зрения о том, что через епископа ханы Улуса Джучи могли диктовать свои условия русским князьям и вмешиваться в их политику.

Литература

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М.: Леан: Аграф, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90ahoref9b.xn--plai/data/documents/Vernadskiy-G.V.-Karpovich-M.M.-Istoriya-Rossii-3.-Mongoly-i-Rus.pdf> (дата обращения: 23.03.2024).
2. Вольфрам фон Шеллах. Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 83–90.
3. Галимов Т.Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV в.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2015. № 4. С. 138–158.
4. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Период второй. Московский. Том II. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi-tom-2-chast-1/1 (дата обращения: 24.04.2024).
5. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
6. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. I. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020.
7. Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1(1). С. 172–189.
8. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ, Т. I. И.П. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1846 // Библиотека «Руниверс». [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book479781/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 23.03.2024).
9. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви в период монгольский. Макария, архиепископа Харьковского. Т. IV. Кн. I. СПб.: Типография Юлия Андр. Бокрама, 1866. URL: https://vk.com/doc2591945_409653514?hash=FgW9W41DXgdz7cExTTijJKLC9S3Lj0PZuGHq9xzmzBjs&dl=qqvAvyYAwLzH0nT1HJJHF4oZXLJuk0X3yZmy0z1FbMz (дата обращения: 24.04.2024).
10. Мухин В.И. Сарайская православная епархия и Золотая Орда: современный взгляд, евразийское преломление // Казанский вестник молодых учёных. 2022. Т. 6. № 4. С. 105–126.
11. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003.
12. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc35528094_603290284?hash=dK0sZw1MAzgWBluc5b1AapQkhnJ4Dy5tuzbraQTJF2H&dl=aF4BgdfZMWI3s2H58WM3XmoDjNuan9Jo2MIUPwxZrtw (дата обращения: 24.04.2024).
13. Пигарёв Е.М. Редкий тип энколпиона с Селитренного городища // Поволжская археология. 2012. № 1(1). С. 120–121.
14. Софийская первая летопись / ПСРЛ, Т. V. V.VI. Псковская и Софийская летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1851. // Библиотека «Руниверс». [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book479794/#page/3/mode/1up> (дата обращения: 23.03.2024).

ANASTASIYA KHOKHLOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF THE SARAJ CATHEDRAL CHURCH IN THE ULUS OF JOCHI

The results of analysis of basic issues, associated with the establishment of the Saraj cathedral church, their reflection in the historiography and the basic conclusions about the influence of the Saraj cathedral church on the nature of the Horde foreign policy towards the Russian are presented. The comparative analysis of historiography and the analysis of the Old Russian chronicle are given.

Key words: *the Ulus of Jochi, Saraj cathedral church, khan Berke, metropolitan, knyaz.*